

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

КОЛЛЕКЦИОНЕР

*Опыт исследования
по социологии культуры*

АЛЕКСАНДР МАЛИНКИН

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2011

УДК 316.7
ББК 60.56
М19

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор философских наук, профессор Государственного
университета — Высшей школы экономики
ЛЕОНИД ИОНИН

- Малинкин, А. Н.**
М19 Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры [Текст]/Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 192 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0857-2 (в пер.).

Настоящая книга представляет собой философско-культурное и социологическое исследование частного коллекционирования, рассматриваемого как особая форма самореализации человеческой индивидуальности и способ самоутверждения личности в свободное время. Автор предлагает оригинальный взгляд на культурные, философские, социальные и экономические аспекты коллекционирования. Обширные приложения, включенные в издание, служат наглядной иллюстрацией многообразия и сложности феномена коллекционирования.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для специалистов-культурологов и социологов культуры, но и для широкого круга читателей.

УДК 316.7
ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-0857-2

© Малинкин А. Н., 2011

© Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
КОЛЛЕКЦИОНЕР. Опыт исследования по социологии культуры	
КОЛЛЕКЦИОНЕР И СВОБОДА.....	15
КОЛЛЕКЦИОНЕР И СОРОКА.....	26
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ЛЮБОВЬ.....	30
КОЛЛЕКЦИОНЕР И УЧЕНЫЙ	37
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ..	42
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ИНВЕСТОР	46
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ПОТРЕБИТЕЛЬ	49
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ПОСРЕДНИК.....	56
КОЛЛЕКЦИОНЕР И СРЕДА	61
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ЕГО ПРЕЕМНИКИ.....	70
КОЛЛЕКЦИОНЕР И ЕГО ОБРАЗ.....	72
КОЛЛЕКЦИОНЕРСТВО И ФРЕЙДИЗМ	83
РЕЗЮМЕ	99
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	103
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ КАК ПРЕДМЕТ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ..	149
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. НАГРАДА КАК ПРЕДМЕТ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО- НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Коллекционирование — одно из самых популярных увлечений в мире. Чего только люди ни собирают: этикетки от спичечных коробков и произведения искусства, игрушки и оружие, почтовые марки и охотничьи трофеи, старые автомобили и знаки отличия, открытки и монеты, брелоки и старинную мебель, бриллианты и карманные календари. В принципе, предметом коллекционирования может стать все что угодно¹. Но почему люди собирают что-то одно, а не другое, отчего они становятся коллекционерами? Зачем вкладывают свои усилия, время и зачастую немалые деньги в собирательство, казалось бы, совершенно бесполезных вещей? На первый взгляд, простые вопросы. Но дать на них такие же простые ответы, которые бы устроили всех, не представляется возможным. Судите сами...

Голландец Ник Вермюлен из города Вормервеера собрал коллекцию из 2212 пакетов, которые раздают пассажирам, страдающим в самолетах от укачивания. Французский архитектор Пьер Обер коллекционирует ритуальные принадлежности. Основную часть коллекции составляют урны для праха. Есть урны переносные, которые легко можно уложить в чемодан, урны, похожие на пасхальные яйца, урны в форме женской головы, урны-пирамиды, конусы, шкатулки и урны-вазы. В Англии, где коллекционирование является чуть ли не национальной традицией, увлекаются собиранием ночных ваз. Наиболее ценные горшки выставлены на аукционах Сотбис и Кристис, некоторые стоят несколько тысяч долларов, в их числе — работы на заказ Фаберже.

¹ См. Приложение 1, раздел «Виды коллекционирования».

Во французском городе Рубе существует клуб коллекционеров утюгов. Электрический утюг был изобретен лишь в 1913 году, коллекцию его предшественников составляют более тысячи приспособлений. В Европе огромное распространение получила бирофилия, или пиволюбие. Эта отрасль включает в себя не только собирание этикеток, но и пробок со всевозможными надписями, изображениями и тиснениями. Бирофилами являются и коллекционеры пивных кружек, подставок под кружки, полотенец, салфеток и фартуков с соответствующей символикой, бочонков и т. п. В немецком городе Бад Шуссенрид существует Музей пивных кружек, самые старые кружки относятся к 1550-м годам изготовления.

Швейцарец Карл Бодмер коллекционирует следы животных: заливает их гипсом или смолой и делает слепки или фотографирует. Есть люди, коллекционирующие оплавившиеся следы молний на песке: самый длинный отпечаток молнии — два метра — в коллекции немца Рихарда Ридигера.

Существуют и юмористические коллекции. Например, коллекционирование ляпов, нелепостей и опечаток периодической печати. Как писал Карел Чапек, опечатки развлекают человека. Крупная коллекция газетных опечаток и казусов принадлежала Матвею Львовичу Фролову — одному из основоположников отечественной радиожурналистики.

Джон Резникофф из Стемфорда (штат Коннектикут, США) собирает волосы давно умерших знаменитостей. В его коллекции, застрахованной на миллион долларов, находятся пряди волос ста известных людей, таких как Авраам Линкольн, Джон Ф. Кеннеди, Мэрилин Монро и Элвис Пресли, а также локон английского короля Карла I, приобретенный за 4000 фунтов, завиток из бороды Генриха IV Наваррского, купленный за 1265 фунтов, и прядь волос Наполеона I за 345 фунтов.

Англичанин Уилсон Бентли долгие годы делал и собирал фотографии снежинок. И доказал, что за всю

историю нашей планеты на ее поверхность не упало и двух одинаковых снежинок! Две тысячи экземпляров — малая часть опубликованных им снимков. Один итальянский коллекционер собирал магнитофонные записи тишины: в его коллекции были затишье перед бурей, молчание после ссоры, тишина перед началом концерта, тишина, наступившая после бурных дебатов в парламенте.

Маргарет Роден, жительница Германии, коллекционирует странные, смешные фамилии: в ее собрании более 5,5 тысячи фамилий, объединенных по тематическому признаку. Хозяин домашнего музея в Киеве Петр Дубочинский собрал 1001 дверную ручку. Во французском городе Шато д'Олон с 1989 года был создан Музей песка, в настоящее время в коллекции музея насчитывается более 3000 различных образцов и проб. Житель Владивостока В. Полоухин собирает уникальные старинные кирпичи: в его коллекции 1150 кирпичей с различными клеймами и надписями, в том числе кирпичи из белого мрамора².

Можно без труда умножить примеры экзотичных, подчас весьма курьезных коллекций. У одних они вызовут удивление и улыбку, у других — недоумение и насмешку: дескать, чем бы дитя ни тешилось — лишь бы не плакало. Да, на первый взгляд, есть в этом что-то странное. Но странность странности рознь. Материал, собранный в таких коллекциях, может представлять научный либо коммерческий интерес или вдруг окажется необходим для криминологической экспертизы. Было бы, наверное, опрометчиво расценивать собирательство всякого рода необычных вещей только как проявление инфантилизма или бытового чудачества.

² Примеры экзотичных коллекционерских хобби позаимствованы из публикации «Загадка коллекционирования» // Время сбережений, январь 2005. <http://www.srb.ru/press/timе/january2005/article1.html>

Конечно, если руководствоваться только сиюминутной практической пользой, то собирательство нецелесообразно. С точки зрения практической полезности сомнителен даже такой фундаментальный культурно-антропологический феномен, как игра. К чему пустая трата жизненных сил? Тем более зачем спорт с его фанатичным стремлением к победам и рекордам, стрессами и травмами, соблазном допинга и скандалами? Или зачем, скажем, карабкаться на вершину горы с риском для жизни, для чего ее покорять? «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» — гласит народная мудрость. Но даже если допустить, что упрощенный взгляд на собирательство как на чудачество — из инфантилизма или психических отклонений (например, аутизма или социопатии) — все-таки верен, то спрашивается, разве в таком случае коллекционирование не выполняет позитивную компенсаторную функцию, сублимируя потенциально опасные для общества отрицательные импульсы? Разве оно не примиряет с действительностью тех, кто иначе, может быть, никогда бы с ней не примирился?

Так кто они такие — коллекционеры? Коллекционер — это собиратель коллекции. «Коллекция (от латинского слова *collectio* — собирание) — систематизированное собрание каких-либо предметов, представляющее обычно научный, художественный, исторический интерес, например, коллекция картин, коллекция минералов, коллекция марок»³. Иногда по отношению к коллекционерам несколько иронически⁴ упо-

³ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1984. С. 235.

⁴ В «Словаре иностранных слов» указаны восемь значений термина «коллектор», утвердившихся в русском языке. Большинство из них имеют отношение к технике (например, «главная труба для стока городских нечистот»), и только одно, геологическое, более или менее приемлемо в подразумеваемом здесь смысле: «лицо, которое собирает, заносит в опись и хранит какие-либо образцы горных пород, почв и др.». Там же.

требуется слово «коллекторы» (от позднелатинского collector — собиратель, или в качестве кальки с английского collector — собиратель, коллекционер). Итак, «собиратель» — слово с более общим и широким значением, нежели слово «коллекционер». Собрание вещей — не обязательно коллекция. Она предполагает избирательность и системность, т. е. какие-то принципы отбора и организации собираемого материала.

В этом смысле трудно сравнивать коллекции монет Государственного исторического музея и школьника Пети Сидорова. Школьные коллекции обычно не представляют научного, художественного, исторического интереса (и в строгом смысле коллекциями не являются), зато они имеют большое личное значение для тех, кто их собирает и считает самыми настоящими коллекциями. Может быть, когда Петя Сидоров вырастет, он возглавит отдел фалеристики Государственного исторического музея. Такой поворот событий в будущем не исключен — ведь не боги горшки обжигают. А может быть, Петр Сидоров станет крупным коллекционером и в конце жизни завещает свою коллекцию Государственному историческому музею? И такое нельзя исключать. Почему бы и нет? Тот факт, что фонды большинства музеев мира формировались из даров коллекционеров, свидетельствует об одном: частное коллекционерство является историческим первоисточником и социокультурным фундаментом музейного коллекционирования, да и музейного дела как такового.

Первым музеем в мире стал храм муз, построенный по инициативе Платона. Отсюда и название учреждения для хранения и демонстрации коллекций. Согласно преданию, Аристотель собирал коллекцию растений, Юлий Цезарь — драгоценные камни, чеканную посуду, статуи, картины. Коллекционерами произведений классического западного и русского искусства были князь Юсуповы, Голицыны, графы Разумовский, Строгоновы, крупнейший русский египтолог Д. С. Голешищев, братья Третьяковы, И. С. Остроухов, Н. С. Мо-

солов и др. Известный русский философ В. В. Розанов увлекался нумизматикой. С. И. Щукин и И. А. Морозов одними из первых стали собирать творения импрессионистов и великих мастеров французской живописи рубежа XIX–XX веков. Коллекции русского авангарда собирали Г. Д. Костаки, С. А. Шустер, В. А. Дудаков, Л. П. Талочкин и др. Перечень известных российских коллекционеров можно продолжить, но смысл его в том, что личная инициатива в коллекционировании всегда первична, и если эта инициатива одновременно частная, то суть дела отнюдь не меняется.

Высшее образование и специальные знания на высоком уровне квалификации, большой опыт работы с материалом, практические умения, навыки и т. п. имеют далеко не все, кому их следовало бы иметь, в соответствии с должностью в профессии. Некоторые коллекционеры-любители по уровню компетентности ни в чем не уступают профессиональным коллекционерам-музейщикам, и наоборот — среди последних волею судеб могут оказаться люди малообразованные, не стремящиеся к повышению квалификации, хотя и не лишенные корпоративного снобизма. Не секрет, что работа в учреждении культуры придает коллекционерам-музейщикам и экспертам в глазах посторонних ореол некоего высшего профессионализма и профессиональной непогрешимости. Но, как известно, людям, в какой бы профессии и на какой бы должности они ни работали, свойственно ошибаться: *erare humanum est*. И это всегда необходимо иметь в виду. У частных коллекционеров и экспертов нет возможности в случае ошибки (они ведь тоже люди) спрятаться за престижную вывеску или безупречное реноме культурного учреждения — они могут рассчитывать только на собственные знания, умения и репутацию. Это также необходимо учитывать.

В советское время все крупные учреждения культуры были государственными, а термины «частная собственность», «частная инициатива» рассматрива-

лись как идеологически враждебные, употреблялись в негативном значении в контексте критики. Поэтому не удивительно, что к частным коллекционерам сложилось несколько подозрительное отношение, а всех коллекционеров до сих пор принято делить на коллекционеров-музейщиков, или профессиональных коллекционеров, и коллекционеров-любителей. Между тем, с одной стороны, среди таких любителей были и есть самые настоящие профессионалы; с другой стороны, факт профессиональной занятости в учреждении культуры автоматически не гарантирует профессионализм и вовсе не избавляет от любительского, т. е. непрофессионального, и, следовательно, дилетантского подхода. Из-за двусмысленности слова «любитель» смешение понятий здесь неизбежно. Вот почему, на мой взгляд, термин «частный коллекционер» представляется более корректным, чем «коллекционер-любитель», и его возвращение в российскую культуру вместо последнего является совершенно оправданным. Важно, что в конце XX века в нашей стране вместе с реабилитацией частной собственности возродился институт частного коллекционирования и частной коллекции.

В центре внимания автора — прежде всего и главным образом частный коллекционер. Под терминами «собиратель» и «коллекционер», «собрание» и «коллекционирование», «собирательство» и «коллекционерство» подразумевается, соответственно, индивидуальная человеческая личность как субъект частной инициативы, деятельное занятие или увлечение и специфическая социокультурная вовлеченность. Хотя, как уже говорилось, собирать и коллекционировать — не совсем одно и то же, эти и производные от них однокоренные слова зачастую употребляются зачастую как синонимы по стилистическим соображениям.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

КОЛЛЕКЦИОНЕР И СВОБОДА

Коллекционерство — феномен одновременно социальный и культурный. Выражаясь иначе, это социокультурный феномен, поскольку собиратели существуют в обществах, общаются между собой в коллекционерских сообществах и создают свои самобытные коллекционерские субкультуры. Эти субкультуры прямо или опосредованно опираются на национальные культуры и большие культурно-исторические традиции. Таким образом, коллекционерская деятельность всегда наполнена конкретными социальными и культурными смыслами. Как любое человеческое поведение, собирательство осмыслено самим субъектом социокультурного действия и обусловлено объективными обстоятельствами, стало быть, более или менее адекватно может быть понято другими. Homo colligans, человек собирающий, хотя и не дотягивает до идеального образца homo sapiens, все же достаточно предсказуем для понимающего социолога. Но чтобы понять конкретные смыслы коллекционирования чего-либо кем-то, необходимо сначала констатировать общие и принципиально важные положения.

Прежде всего следует сказать, что коллекционирование — это *свободная человеческая деятельность*, а именно *спонтанное человеческое увлечение, переходящее в постоянное привычное занятие (хобби)*. Ключевые слова здесь — «свободная» и «спонтанная»: никто не может заставить человека чем-то увлечься, если он сам не увлечется. Коллекционирование и увлечение взаимосвязаны естественным образом: хотя коллекционирование — увлечение или его результат, *не каждое увлечение приводит к коллекционированию*. Так, можно увлекаться путешествиями, туризмом, но при этом не собирать фотографии или сувениры тех мест, в которых побывал. Можно быть фанатичным болельщиком какого-то спортивного клуба или поклонником какой-то звезды шоу-

бизнеса, но не коллекционировать символику этого клуба или автографы этой звезды. Аналогичным образом увлечение охотой не обязательно ведет к собирательству охотничьих трофеев в виде изделий таксидермистов. *Коллекционерство не всегда начинается с какого-то другого увлечения как его смыслологическое продолжение и завершение — оно как самоценное увлечение может передаваться напрямую от знакомого коллекционера под воздействием социально-психологических законов заражения и подражания*, о которых писали Г. Тард и другие представители так называемой психологической школы в социологии¹. Прямое воздействие яркого личностного образца, многообразных форм групповых влияний здесь, как и в других сферах человеческой жизнедеятельности, не имеет себе равных по силе и глубине и почти всегда играют решающую роль.

У коллекционирования всегда был, есть и будет сильный конкурент — накопительство. В Советском Союзе страсть к накоплению благ расценивали по известным идеологическим соображениям как проявление мелкобуржуазных поползновений, считали вредным социально-этическим пороком, высмеивали и клеймили позором под именами «скопидомство», «мещанство», «вещизм» и др. Сегодня, по крайней мере, в светском обществе, в этой страсти не видят ничего плохого. Общественный строй, созданный у нас в 1990-е годы, основан на господстве ценностей, норм и порядков олигархического капитализма, поэтому страсть к на-

¹ Хотя эти социально-психологические законы и процессы давно известны, с моей точки зрения, они пока не были оценены по достоинству. В «материалистическом» XX веке их всеобщая недооценка привела к тяжелым трагическим последствиям. Мало что изменилось и в XXI веке, хотя благодаря Интернету, мобильной связи резко усилился и стал более очевиден рост прямого влияния эмоционально-волевых потоков на исторические процессы. И все же пока нерациональная чувственная сфера не воспринимается социальной наукой всерьез. Иначе как объяснить появление такой странной дисциплины, как «социология эмоций»?

копительству расценивается ныне как проявление естественного влечения человека, а в социально-этическом плане даже поощряется как верный путь к личному успеху и богатству. Что касается коллекционеров, то их в СССР терпели, но не очень-то жаловали. Особенно подозрительно власти относились к крупным коллекционерам, собрания которых трудно было квалифицировать однозначно: то ли это их личная собственность, то ли это уже частная собственность.

Коллекционирование и накопительство тесно соприкасаются, а внешне иногда бывают так похожи друг на друга, что невольно приходят в голову сравнения из области микологии: у многих грибов есть двойники — так называемые ложные грибы. Конечно, было бы чересчур заносчиво уподоблять коллекционирование благородному белому либо опенку, а накопительство — горькушке либо бледной поганке. И все же такое сравнение не лишено оснований. Ведь объектом страсти того и другого являются вещи, которые постепенно концентрируются в одних руках. И скопидом накапливает вещи, и коллекционер их накапливает — оба они в своем роде собиратели или, с религиозной точки зрения, стяжатели.

Накопительство — это аккумуляция всевозможных благ как материальных ценностей. Накапливают прежде всего денежные средства ввиду их максимальной ликвидности в мирное время, а также другие ценные бумаги (акции, облигации и т. п.). К ним можно добавить всякого рода движимое и недвижимое имущество. Вспомним знаменитую апорию под названием «куча»: точно так же большое количество благ превращается в состояние, а их обладатель приобретает качество состоятельного человека. Собирающие многих благ, каким бы способом оно ни делалось — за счет ограничения потребления или успешной капитализации, — конечно, не коллекционирование, а всего лишь повышение уровня своего благосостояния. Люди, накапливающие блага, усматривают в вещи пре-

жде всего материальную ценность, а иногда только ее и видят, игнорируя качественное своеобразие вещей. Коллекционирование же ориентировано в первую очередь на усмотрение в вещи какой-то *нематериальной ценности* (научной, художественной, исторической и т. д.), связанной не с количеством, а именно с *качеством* вещи, ее *неповторимым своеобразием*; количество предметов, собранных в коллекции, для коллекционера всегда второстепенно, хотя и немаловажно.

Так, коллекционер бон² может собирать и современные банкноты, но ценить в них не функцию денег, а определенные особенности изготовления, которые выделяют их из общей массы других современных банкнот. Откладывая в коллекцию, про запас или на обмен десятки свежевыпущенных сторублевых купюр, бонист исключает их из обращения, элиминирует их номинальную стоимость и придает им стоимость коллекционную. В этот момент последняя еще совпадает с номинальной, но бонист включил счетчик исторического времени, и по прошествии нескольких лет, когда таких купюр в превосходном состоянии в обращении уже не останется, цена на них поднимется выше ста рублей за каждую. Точно так же нумизмат, усматривая в современных монетах регулярного чекана предметы коллекционирования, изымает их из обращения, убивает в них функцию денег и придает им коллекционную стоимость.

Вот почему накопление дензнаков и коллекционирование, как правило, трудносовместимы. Начинающие коллекционеры, если они не получили состояние в наследство, обычно сталкиваются с житейским выбором: либо сохранение и приумножение того, что уже собрано в коллекции, либо достижение того материального достатка, который в их социальных кругах считается со-

² Бонист — коллекционер бон; боны — бумажные денежные знаки и ценные бумаги (как правило, вышедшие из употребления). Подробнее см. приложение 1.

стоянием. Большинство частных коллекций продается именно по этой банальной причине. Как правило, продают коллекции начинающие и недалеко продвинувшиеся собиратели. Они не выдерживают напряжения, возникающего между необходимостью удовлетворять потребности в соответствии с определенным стандартом качества жизни и стремлением пополнять коллекцию за счет приобретения нового материала. Ясно, что для настоящего коллекционера дензнаки — всего лишь средство для приобретения интересующих его вещей, а покупка движимого и недвижимого имущества с целью накопления благ впрок — пустая трата денег.

Некоторые коллекционеры-фанатики, не имея достаточно денег, умудряются за долгие годы собрать большие коллекции, аскетически удерживая себя (а иногда и семью) на сравнительно низком уровне материального благополучия. Хотя большие коллекции редких и дорогих предметов сами по себе — целые состояния, в глазах коллекционеров денежное измерение их коллекций — далеко не самое главное. Коллекционеры, если они активны, обычно равнодушны к вопросу о денежной оценке их собственных коллекций. И не удивительно — ведь разговор на эту тему предполагает тот факт, что рано или поздно их активности придет конец и драгоценная коллекция будет продана. Зато они охотно готовы обсуждать потенциальную стоимость коллекции какого-нибудь другого собирателя.

Все вышесказанное подчеркивает наиболее глубокое и существенное различие между накопительством и коллекционерством: в то время как смысл накопительства (если оно не является проявлением какой-либо патологии, например, старческого маразма) обычно видят в том, чтобы сколотить себе состояние и благодаря ему обрести индивидуально-личную свободу³,

³ Мы исходим из того, что накопительство — *инструментальный рационально контролируемый конечный* процесс, а не иррационально самоцельный и потому не имеющий

смысл коллекционерства заключается в том, чтобы реализовать свою свободу, предполагаемую как уже имеющуюся. Проще говоря, если накопитель готовится быть поистине свободным в будущем, то коллекционер худо-бедно осуществляет ту свободу, что у него есть в настоящем. Это различие проходит в субъективной сфере самовосприятия, самосознания и самооценки человека и не имеет никаких объективных показателей. Так, многим коллекционерам и не снились те материальные возможности, которыми располагают накопители, и наоборот: многие накопители могут только мечтать о той переживаемой коллекционерами свободе, которая открывается перед ними все новые жизненные горизонты.

Указанное выше различие подводит нас к другому положению, принципиально важному для понимания того, что такое частное коллекционирование: это *форма самореализации человеческой индивидуальности, способ самоутверждения личности в свободное время*. Ключевым термином, определяющим специфику рассматриваемой здесь темы, является «свободное время»⁴. Значение термина «свободное время» устанавливается через соотношение с понятием «рабочее время» или, вообще говоря, тем, как понимается время, цель, смысл и порядок проведения которого определяются не самим человеком, а чем-то (или кем-то) другим. Обычно большую часть времени люди тратят на выполнение бытовых и трудовых задач (обязанностей), необходимых для воспроизводства жизни. В этом смысле труд и быт суть необходимая жизненно важная работа, и время, уходящее на них, воспринимается большинством людей как период относительной несвободы. Последний противостоит досугу,

ни конца, ни края. В последнем, патологическом, случае происходит мумификация накопительства в человеческой натуре, гениально описанная Н. В. Гоголем в «Мертвых душах» в образах Плюшкина и Коробочки.

⁴ Предполагается, что смысловое содержание таких социально-философских понятий, как «человеческая индивидуальность» и «личность», достаточно хорошо известно.

свободному времени как периоду свободы, когда не порядок вещей и не порядок других людей, а сам человек как индивидуальная личность определяет для себя, что и как, где и когда ему делать.

Таким образом, между коллекционированием как формой проведения человеком досуга и фундаментальным философским понятием свободы есть нечто общее, и оно существенно для понимания как одного, так и другого. *Коллекционирование, коллекционерство — форма выражения свободы человеческой личности.* Абстрактное понятие «свобода» конкретизируется в реальной жизни через самоопределение человека посредством осмысленного выбора на основе ценностных предпочтений. Человек, развиваясь как личность, постепенно поднимается до произвольного осмысленного выбора, чем ему заполнить время своей жизни, которое он считает свободным в отличие от занятого, работает ли он для того, чтобы жить, или живет для того, чтобы работать, к чему стремиться и о чем мечтать, наконец, каким богам молиться. *Коллекционерство как свободное самоутверждение личности является несомненным завоеванием человеческой цивилизации, важным фактором развития культуры и гражданского общества.*

Коллекционирование в этом смысле близко к игре. Как и игрок, коллекционер постоянно делает свободный выбор: выбирает себе тему и принцип коллекционирования, постоянно выбирает предметы коллекционирования, как бы делая на них ставки, выстраивает их в серии согласно избранному им принципу, наконец, выбирает контрагентов или партнеров, обменивается с ними опытом и знаниями, соревнуется и т. д. Как в азартной игре, коллекционер может выиграть или, наоборот, проиграть, сделав ставки не на ту тему, выбрав не те предметы, не тех контрагентов или партнеров. Как в игре творческих способностей (музыкальных, изобразительных и др.), удачно подобранная коллекция — это всегда совершенное произведение, в ко-

тором гармонично отражаются душа, вкус и ум самого «человека собирающего». Позитивная сторона коллекционерства особенно очевидна для посторонних, когда коллекционер в конечном счете «выигрывает», т. е. собирает превосходную богатую коллекцию. Тогда делается вывод, что, стало быть, его свободное время на протяжении многих лет тратилось не зря (на самом деле для коллекционера процесс собирательства может быть еще важнее, чем результат).

Известны социально-философские доктрины, в которых превращение всего времени человека в *свободное* объявляется мерой общественного и индивидуального богатства и целью всемирно-исторического процесса. Так, согласно теории научного коммунизма К. Маркса, превращение всего времени человека в *свободное* — реально достижимая цель. Ее можно добиться прежде всего на пути освобождения труда от капиталистической эксплуатации. «...Капитал, — писал К. Маркс, развивая идеи социалистов — последователей Д. Рикардо о свободном времени как о подлинном богатстве человеческого общества, создающем простор для раскрытия способностей людей, — помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития»⁵. В условиях капиталистического способа производства и эксплуатации человека человеком свободное время трансформируется в прибавочный труд, который капиталист использует для получения прибавочной стоимости. Коммунизм же уничтожает само отношение необходимого и прибавочного труда, добиваясь того, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта и, наконец, чтобы ма-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1975. Т. 46. II. С. 217.

териальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности⁶.

Чтобы преодолеть антагонизм рабочего и свободного времени, трудящимся массам надлежит, согласно теории научного коммунизма К. Маркса, присвоить созданный ими прибавочный продукт: «...тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой — развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что, хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет... отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» (курсив автора. — А. М.)⁷. Итак, по К. Марксу, свободное время выступает как объективная цель коммунистического способа производства. Соответственно, высшей целью и ценностью коммунистического общества является свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние⁸.

При коммунизме на смену закону стоимости должен прийти, по мысли К. Маркса, закон экономии времени. Достижение высшей цели коммунистического общества — «свободное развитие индивидуальностей... художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» — прямо зависит от экономии времени: чем меньше будет рабочее время, тем больше будет времени свободного. Коммунизм радикальным образом меняет сам характер труда: из труда «по внешнему принуждению» он становится привлека-

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же.

тельным трудом, т. е. увлекательным занятием, творчеством. Это «ни в коем случае не означает, — оговаривается К. Маркс, — что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением, как это весьма наивно, совсем в духе гризеток, понимает Фурье. Действительно свободный труд, например, труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»⁹.

В четвертом томе «Капитала» К. Маркс следующим образом объясняет свое понимание взаимосвязи свободного и рабочего времени при коммунизме: «*Рабочее время*, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью — как угодно». Соответственно, и рабочее время в качестве базиса для свободного времени получает, согласно К. Марксу, совершенно другой, более свободный характер: «*Рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота»¹⁰.

Вывод о том, как представлял себе К. Маркс времяпрепровождение члена коммунистического общества, включая досуг, можно сделать, исходя из знаменитого места в «Немецкой идеологии»: «Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, ко-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1975. Т. 46. II. С. 110.

¹⁰ Там же. Т. 26. III. С. 265–266.

торый ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, не делая меня в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком»¹¹.

Конечно, эти слова не следует вырывать из контекста и понимать их буквально, как если бы перманентная смена видов деятельности человеком виделась К. Марксу идеалом времяпрепровождения в коммунистическом обществе, — в данном случае речь идет о проблеме отчуждения, которое возникает, в частности, вследствие общественного разделения труда. И все-таки даже с учетом оговорки в этих словах достаточно содержания. Смена видов деятельности здесь вовсе не представлена как самоцель. Главное — то, что делает эту смену возможной: *свобода*. Выбор вида (видов) деятельности будет совершенно *свободным*, т. е. *станет осуществлением волеизъявления самого человека как индивидуальной личности*. Думается, К. Маркс имел в виду следующее: человек при коммунизме будет располагать реальной возможностью увлекаться то одним, то другим, чередуя разные занятия, но если он захочет, то посвятит себя какому-то одному делу, которое станет делом всей его жизни. Допущение о том, что кто-то заставит его бросить любимое дело и заняться чем-то другим на том основании, что он-де чересчур долго занимается одним и тем же, представляется в данном контексте нелепым.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 31–32.

Здесь вполне уместно провести параллель и осторожно спросить: не является ли произвольный выбор увлечений в свободное время спасительным островом свободы в океане житейской необходимости и не по контурам ли этого острова формировался образ времяпрепровождения в светлом научно-коммунистическом будущем?

Ясно, что антагонизм необходимости и свободы человека в обществе не абсолютен, что между этими соотносительными понятиями существует непростая «диалектика», и ее своеобразие раскрывали не только социалисты-утописты, К. Маркс и Ф. Энгельс, но и, к примеру, Ницше, Шелер, Сартр и многие другие, причем каждый по-своему. Если спуститься с философских высот на грешную землю, мы снова сталкиваемся с самобытной сложностью этой проблемы. В реальной действительности, весьма далекой от светлого коммунистического будущего, с одной стороны, существуют люди, для которых труд — не просто работа, но самое настоящее творчество, азартная игра, т. е. она для них и есть увлечение; с другой стороны, существуют люди, умудряющиеся превратить свое досужее хобби из свободного времяпрепровождения в напряженную работу, иногда рутинную, иногда рискованную.

КОЛЛЕКЦИОНЕР И СОРОКА

Влечение к собирательству заложено в самой природе человека. Повышенное внимание ко всякого рода необычным предметам, выделяющимся на общем фоне своими качествами — формой, пропорциями, цветом, материалом и т. п., — характерно не только для человека, но и для животных. Всем известно, что некоторых умных птиц (например, сорок, ворон) привлекают блестящие предметы, которые они собирают и тащат в свои гнезда. Нечто подобное наблюдается и у приматов. Так можно ли назвать коллекцией кучку разного рода блестящих вещей, скажем, в гнезде у сороки, —

осколков стекла, кусочков фольги, ярких цветных лоскутов и т. п.? Здравый смысл подсказывает: нет. Правда, культурологический ответ на этот вопрос при ближайшем рассмотрении не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Кучка вещей в гнезде у сороки накапливается потому, что эти вещи как физические тела послужили ей стимулом и вызвали у нее реакцию. Коллекция же собирается человеком потому, что он сам как личность усматривает в вещах некие индивидуально и социально значимые смыслы, которые в них как физических телах не содержатся. Критерии отбора в первом случае остаются субъективно неосознанными, во втором — они осознаются, иногда пересматриваются и верифицируются.

То новое, что появляется в этом отношении у человека благодаря его сознанию, — это способность, в отличие от животных, придавать вещам значение, особый смысл. Соответственно, человек способен усматривать в вещи нечто большее, чем позволяет увидеть ее голое физическое тело. Усмотрение смысла, значения вещи делает ее для человека впервые *предметом*, в частности *предметом коллекционирования*. Перефразируя классика, можно сказать: орел видит вещи намного лучше человека, но человек видит в вещах намного больше, чем орел.

Правда, и животные способны видеть в вещах нечто большее, чем просто физическое тело, в той мере, в какой они обладают практическим интеллектом. Те же птицы и приматы используют камни, веточки, палочки и т. п. как орудия для удовлетворения потребностей в питании, безопасности и размножении. Но в том-то и дело, что коллекционирование как тип деятельности выходит за границы практически полезной активности по удовлетворению базисных потребностей живого организма. Значения и смыслы, которые собиратель усматривает в вещах, не сводятся к их функционально полезным свойствам, а часто вообще не имеют к ним никакого отношения.

Так, коллекционер холодного оружия ценит в шпаге не ее функционально полезную способность пронзить тело врага (для чего ее и выковали), а сохранность, аутентичность и полноту сбора, особую форму деталей, отделку, кто, когда и где мог ее изготовить, то, кому эта шпага могла раньше принадлежать, соответственно, степень ее редкости и т. д. Собиратель фарфора ценит в старинной китайской вазе не ее функционально полезную способность вмещать в себя цветы, а состояние, красоту, особую форму деталей и отделки, опять-таки кто, когда и где ее мог изготовить, соответственно, степень ее редкости и т. д. Наконец, самый простой и банальный пример: филателист видит в марке не средство оплаты почтового отправления, а предмет коллекционирования, поэтому оценивает ее не по номинальной стоимости, а по коллекционной, учитывая сохранность, степень редкости, соответствие его тематическому интересу, красоту, информативность и т. д.

Очевидно, и сорока собирает блестящие яркие вещицы не из-за их полезности. Можно только догадываться, чем они привлекают птицу и что именно она в них видит. Полагаю, не так уж и много. Тем более вряд ли она вкладывает в них какие-то смыслы и придает им особое значение. Скорей всего, в данном случае речь идет о начатках *эстетического* восприятия у животных. У человека способность эстетического восприятия развита намного больше, но, думаю, было бы ошибкой недооценивать братьев наших меньших, отрицая у них начатки эстетического взгляда на вещи. Ведь если бы животные были напрочь его лишены, тогда, придерживаясь теории Ч. Дарвина, было бы непонятно, откуда он взялся у человека.

Тем не менее даже если признать, что отбор сорокой вещей происходит по недоразвитому (по сравнению с человеком) эстетическому критерию, следует констатировать следующее: 1) критерий отбора остается неосознанным, точнее говоря, бессознательным; 2) критерий отбора, будучи бессознательным, не под-

нимается поэтому до уровня осмысленного выбора или подбора вещей в коллекцию или того, что называют принципом коллекционирования. Что имеется в виду под последним?

Коллекционер никогда не пользуется каким-то одним критерием отбора, хотя бы и вполне осознанным, — речь идет о сложной системе критериев выбора вещей из окружающего мира, руководящим началом которой может быть как рассудок, так и «логика сердца» с ее трудно постижимой нерациональной избирательностью. К примеру, антикварные вещи часто коллекционируют из ностальгии, но, как ни парадоксально, и современные вещи нередко собирают с расчетом на то, что пройдет время и они состарятся (то, что они состарятся, когда собирающего уже не будет в живых, нарочито игнорируется). Ключ к принципу коллекционирования представляет собой сложнейшее переплетение подсознательных влечений, бессознательных эмоционально-волевых импульсов, настроений, чувств, рациональных соображений и чистого расчета. Понять, что в этом клубке образует ядро, сердцевину, непросто, а прийти к каким-то надындивидуальным обобщениям, на мой взгляд, и вовсе невозможно.

Многие коллекционеры, образно выражаясь, выбрасывают этот «ключ» в море. По мере надобности они переосмысливают только сам принцип коллекционирования, лежащий на поверхности их сознания. Это делается, чтобы четко осознавать, какие предметы, по каким критериям и в каком объеме они собирают; при этом сакраментальные вопросы «почему?» и «зачем?», как правило, из сознания вытесняются. Наглядно применение этого принципа можно представить в виде сужающихся концентрических кругов Эйлера, когда человек, выбирая себе тему для коллекционирования, рационально отказывается от других и более обширных тем в пользу всякий раз более узкой, пока не приходит к теме оптимального для него объема (компромисс между максимально желаемым и минимально приемлемым объемами).

Например, сначала принимается решение собирать почтовые марки (а не ковры, фарфор, значки, монеты, боны и др.), потом делается выбор в пользу отечественных марок (а не иностранных), затем принимается решение коллекционировать марки СССР (а не дореволюционные или новые российские), а из них — только те марки, которые посвящены спорту. Впоследствии может выясниться, что выбранная тема очень широкая и нуждается в дальнейших ограничениях, а именно: в хронологическом (только послевоенные марки), содержательно-тематическом (только футбол), формальном (только негашеные марки и только в отличной сохранности). Таким образом, если сорока тащит подряд все, что блестит, то коллекционер в тысячу раз более избирателен.

Несмотря на вышеприведенные важные отличия коллекционера от сороки, до сих пор еще не было упомянуто одно существенное, если не сказать фундаментальное, сходство между ними: и сорока, и коллекционер испытывают неодолимое стремление присвоить понравившуюся им вещь, завладеть и в полной мере обладать ею. Здесь мы подходим к тому, благодаря чему коллекционирование как деятельность вообще возможно. Чтобы понять, почему и зачем люди десятилетиями собирают определенные предметы, иногда аскетически ограничивая себя, необходимо с культурологического уровня рассмотрения проблемы перейти на философско-антропологический.

КОЛЛЕКЦИОНЕР И ЛЮБОВЬ

В истоке и основе любого собирательства вещей лежит *любовь*. Но любовь человека к вещи — это особое, специфическое чувство. Разумеется, это не любовь в сексуальном смысле как влечение из полового инстинкта (*libido*), не любовь в обычном человеческом (*amor*) или общечеловеческом (всеобщее человеколюбие) смыслах, это не сочувствие, не сострадание, тем более не любовь

в высокодуховном жертвенном смысле (agape) и уж, конечно, не любовь к Богу. Для нормального человека вещь — неодушевленное физическое средство, она не самоцельна и не самоценна. Самоцелью и самоценностью для человека может быть только другой человек или Бог. Поэтому человек не может любить вещь или вещи *так же*, как он любит другого человека или Бога. Если вдруг такое случается, и любовь к вещи заменяет человеку любовь к другому человеку или Богу, — а такое может произойти при непомерном себялюбии, — то речь идет о симптоме душевной болезни, о клиническом случае. Этот крайне важный момент необходимо пояснить более подробно.

Предметно-вещное окружение человека — в значительной степени объективированное продолжение и выражение его субъективного внутреннего мира. Коллекция — частный и особый случай такого окружения. Смысл и значение нефункциональных коллекционных предметов исходят напрямую из внутреннего мира человека, из самого ядра его личности. Этим коллекция как совокупность вещей отличается от движимого и недвижимого имущества, смысл приобретения и обладания которым почти целиком (кроме разве эстетики) исчерпывается их функциональным предназначением. *Коллекционное собрание — это целостная внутренне дифференцированная система опредмеченного ядра личности коллекционера.* Вот почему когда любовь к вещи как предмету коллекционирования заменяет человеку любовь к другому человеку или Богу, в действительности это он сам через посредство коллекционной вещи становится объектом любви к самому себе. В таком случае постоянное любование своей коллекцией — по сути самолюбование, нарциссизм¹².

¹² Крайняя, клиническая, форма коллекционерского нарциссизма редко встречается в реальной действительности, хотя как психологический момент самолюбование, по-видимому, перманентно присутствует в переживании коллекционером своей деятельности.

Любовь человека к вещи включает два сущностно необходимых последовательных момента. Первичным является бессознательное движение, тяготение человека к тому в вещи, что, как он предчувствует, могло бы возвысить его личность в ценностном отношении, что поднимает ее на более высокую ступень в ценностной иерархии бытия. Это переживается как влечение к тому, что *нравится* и одновременно как бы возносит вверх, *облагораживает*. Человек ощущает предрасположенность к вещи, как если бы он узнал в ней что-то родное, близкое, с чем был разлучен и вдруг снова обрел, от чего возникают удивление, окрыляющий восторг.

Вторичным является стремление к участию в судьбе вещи, желание так или иначе быть к ней сопричастным. Это переживается человеком как появление чувств беспокойства, заботы, тревоги, которые фокусируются и все более концентрируются на понравившейся вещи (или на ее образе в памяти). Человек начинает вожделеть, страстно желать понравившуюся ему вещь. Он стремится сделать эту вещь, существующую как часть внешнего мира, частью своего собственного бытия, собственного внешнего и внутреннего мира, т. е. завладеть и обладать ею. Такое желание может осуществиться через присвоение вещи, или апроприацию. Но может и не осуществиться, поскольку присвоение вещи не всегда возможно (если, к примеру, вещь находится в чужой коллекции или представляет собой музейный экспонат), и тогда остается лишь воздыхать по ней, вспоминая ее прекрасный образ.

Такого рода влечения никогда не бывают случайны, они сущностно необходимо связаны с нравственной конституцией человека, с его «*ordo amoris*», «*ordre du coeur*», или «*logic du coeur*» — с тем «порядком сердца», или той «логикой сердца», о которой писал Б. Паскаль, до него — бл. Августин, а после него М. Шелер¹³.

¹³ Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994; Scheler M. *Wesen und Formen der Sym-*

Бывает так: какие-то вещи красивы, редки, интересны и их увлеченно коллекционируют одни, но другим они почему-то не нравятся, хотя достоинства этих вещей могут быть очевидными и рационально признаваться. Они считают, что этими вещами можно полюбоваться, оценить их эстетику или символику, но обладать ими не хочется. Почему? Тут есть нечто загадочное, и все же не более загадочное, чем сама любовь.

Чтобы пояснить методологию, на которой строится представленное мной исследование по социологии культуры, приведу два больших фрагмента из работы М. Шелера «*Ordo amoris*».

В первом Шелер формулирует свое понимание человека как *существа любящего* и утверждает примат ценностного постижения мира над практически-волевым и разумно-познавательным отношением к нему.

«Человек, — пишет М. Шелер, — прежде чем он есть *ens cogitans*¹⁴ или *ens volens*¹⁵, есть *ens amans*¹⁶. Полнота, ступенчатость, дифференциация, сила его любви устанавливает пределы полноты, функциональной спецификации, силы его возможного духа и возможной для него широты контакта с универсумом. Ему сущностно доступна лишь часть всего, что может быть любимо, чьи сущности априорно устанавливают пределы доступных его постигающей способности фактических благ. Эта часть определяется ценностными качествами и ценностными модальностями, которые человек вообще может постигнуть, в том числе и в каких-либо вещах. Не те вещи и их свойства, которые способен познать человек, определяют и ограничивают его ценностный мир, но именно его ценностно-сущностный мир устанавливает пределы и определяет доступное его по-

pathie // Scheler M. *Wesen und Formen der Sympathie*. Bern: A. Fancke Verlag, 1973.

¹⁴ *Ens cogitans* (лат.) — сущее познающее.

¹⁵ *Ens volens* (лат.) — сущее волящее.

¹⁶ *Ens amans* (лат.) — сущее любящее.

знанию бытие и словно остров поднимает его из моря бытия. К чему льнет его душа, там всякий раз и оказывается для него «сердцевина» так называемой «сущности» вещей. И всякий раз будет для него «мнимым» и «производным» то, что отдалается от этого предмета. Его фактический *этнос*, т. е. правила предпочтения одних ценностей и отодвижения на задний план других, определяет также структуру и содержание его мировоззрения, его познания мира, его мышления о мире, а к тому же — его волю к самоотдаче вещам или к господству над ними. Это имеет силу для индивидов и рас, наций, культурных кругов, народов и семей, партий, классов, каст, сословий»¹⁷.

Во втором фрагменте (его можно назвать «явление человеку вещей») Шелер дает феноменологическое описание открытия человеком окружающего мира вещей и показывает, что выбор вещей человеком, его предметные предпочтения вовсе не случайны и не произвольны, как ему самому кажется, но в существенной мере предопределены его наследственным «порядком любви» и индивидуально-личностным этосом, т. е. структурой ценностных предпочтений.

«Человек перемещается, словно в раковине, образованной всякий раз особенной *субординацией* самых простых, еще не оформленных как вещи и *блага ценностей* и ценностных качеств. Эту раковину он повсюду носит за собой, и ему не избавиться от нее, как бы быстро он ни бежал. Через окна этой раковины он воспринимает мир и себя самого — не *более* того и не *иное*, чем то, что показывают ему в мире и в нем самом эти окна сообразно их положению, величине, окраске. Ибо структура окружающего мира каждого человека, будучи в своем совокупном содержании расчленена в конечном счете в соответствии со своей *ценностной структурой*, не перемещается и не меняет-

¹⁷ Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 352–353.

ся, когда человек перемещается в пространстве. Она только наполняется всякий раз новыми определенными отдельными вещами, но так, что и это наполнение происходит согласно закону образования, предписанному ценностной структурой среды. Вещные блага, подле которых человек ведет свою жизнь, практические вещи: сопротивления волею и действию, к которым он прилагает свое волеие, — также и они [суть нечто такое, что] всегда уже прошло и как бы просеялось через особый механизм отбора *ego ordo amoris*. Не те же самые люди и вещи, но как бы тот же самый вид [их] — и эти „виды“, которые в любом случае являются видами *ценностей*, всюду притягивают его по определенным постоянным правилам предпочтения (или небрежения) одного перед другим или же отталкивают его, куда бы он ни попал. Эти притяжения и отталкивания (как тяга и толчки, исходящие от вещей, а не от „я“, в отличие от так называемого активного внимания, — они ощущаются и даже подвергаются повторному упорядочению и ограничению согласно потенциально действующим установкам интереса и любви, переживаемым как готовность к соприкосновению) определяют не только то, *что* он замечает, на что он обращает внимание и что оставляет незамеченным и чему внимания не придает, но уже и материал того, что *возможно* заметить и принять во внимание. Как бы самым изначальным, предшествующим единству восприятия трубным звуком ценностного сигнала, который возвещает: „Тут что-то случилось!“, сигналом, исходящим в переживании от *вещей*, а не от нас, действительные вещи обыкновенно уведомляют о себе на пороге нашего окружающего мира и затем, приходя из далей необъятного мира, вступают в окружающий мир как его члены. Именно в тех случаях, когда мы *не* следуем тяге вещей, когда нам не удастся как-либо воспринять исхождения этой тяги, ибо уже на этой ступени ее воздействия мы оказываем ей волевое сопротивление, или же когда более сильная тяга души

более слабую уже в зародыше, тогда с полной ясностью выступает это явление „уведомления“.

Но в этом притяжении и отталкивании присутствует определенный *ordo amoris* [данного] человека и его особый рельеф. И подобно тому, как структура окружающего мира не меняется вместе с его фактическими изменениями, так и структура человеческой судьбы мало меняется с появлением того нового, что вносит в нее человек своей жизнью, волеием, действием и творчеством. [Не меняет ее] и то новое, что ему встречается: *судьба и окружающий мир* покоятся на *одних и тех же* факторах *ordo amoris* человека и различаются только во временном и пространственном измерениях. Их закономерный способ образования, исследование которых относится к важнейшим проблемам углубленного изучения морального существа *человек*, следуют *ordo amoris* всегда и повсюду»¹⁸.

Итак, коллекционируют то, что нравится, к чему, как метко говорят, лежит душа. Мотивы такого влечения обычно скрыты от самого коллекционера. Они с трудом поддаются рефлексивному анализу, а иногда, как уже говорилось, нарочно сохраняются недоступными, как если бы коллекционер подсознательно боялся тронуть холодным скальпелем рефлексии что-то сугубо интимное, нежное в глубине своей души. Некоторые коллекционеры пытаются объяснить их прежде всего самим себе и близким людям. Однако еще не факт, что их самоаналитические объяснения соответствуют тому, что на самом деле творится в их душах, что они чувствуют и переживают. Правда, есть люди, которые никогда не были коллекционерами, но которые считают, будто лучше всех знают, почему и зачем собиратели занимаются собирательством. Может быть, сапожник и должен быть без сапог?¹⁹

¹⁸ Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 342–343.

¹⁹ См. главу «Коллекционерство и фрейдизм».

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

АЛЕКСАНДР МАЛИНКИН
**КОЛЛЕКЦИОНЕР:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ**

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АЛЕКСЕЙ АППОЛОНОВ

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ЛЮДМИЛА МАЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 06.12.2010. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 8,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1401. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN: 978-5-7598-0857-2

9 785759 808572